

Глава 1: Ночь, когда доносится голос пламени

Алое пламя закручивалось вихрем.

Окутанное чёрным дымом, оно постепенно превращалось в столп света.

Внутри проступила огромная птица с багряным телом.

Птица распахнула алые глаза, разинула клюв и издала пронзительный боевой клич.

Я протянул руку вслед обладателю этого голоса, исчезавшему в бездонно-ясной синеве неба...

\\\\ \\\\ \\\\

Пи-пи-пи, пи-пи-пи — неумолчно звенел высокий механический звук.

Тоя проснулся с вытянутой вверх рукой и сел на постели с ошеломлённым лицом.

Он сложил синее одеяло вдвое, отложил его в сторону, а затем, слегка наклонив голову, стащил с себя чёрный спортивный костюм, служивший пижамой.

С вешалки на стене он снял школьную форму и переоделся.

После этого забрался обратно на кровать и отодвинул занавеску.

Открыл окно, впуская в комнату свежий воздух, и глубоко вдохнул, чтобы сменить настроение.

Ветер, уже почти летний, был ещё прохладным, но приятным.

— Так!

Он сжал кулак, высунулся наружу и упёрся рукой в окно дома напротив, отделённого от его собственного лишь забором.

Замок на этом окне каждый день оставляли открытым, так что створка легко сдвинулась в сторону.

Поставив ногу на раму и опираясь рукой о противоположный карниз, он бесшумно, словно кошка, перебрался внутрь.

— То-о-ру-у!

Войдя в комнату через окно, он взобрался на спящего на кровати человека, устроившись у того на бёдрах.

Тот, на кого навалились, глухо застонал и приоткрыл глаза.

— Тоя... ты тяжёлый.

— Тору, доброе утро!

Когда широко улыбнувшийся Тоя произнёс это, заспанный Тору вежливо ответил: «Доброе утро».

— Я же просил прекратить так будить меня.

— Да ну-у, это же быстрее всего!

Юношу с чёрными волосами, достигающими до затылка и скрывающими филировку, с яркими алыми глазами, притягивающими взгляд, звали Сибуки Тоя.

Тоя рукой с ногтями цвета сакуры заправил за ухо прядь, упавшую на его поразительно белую щёку.

При виде того, как опустились его длинные ресницы, Тору отвёл взгляд.

У Акеми Тору волосы были небесно-голубые, мягкие, обычно завивающиеся внутрь, длиной чуть ниже плеч.

Тору, обладатель золотистых глаз, подобных полной луне, покраснел так, что краска залила даже его желтоватую кожу.

Он протянул руку в голубой пижаме и положил её на бедро Тои, обтянутое жёсткой тканью формы.

— Ах! Точно, Тору!

Когда Тору уже собрался попросить: «Слезай уже», Тоя наклонился к нему ещё ближе.

— Ох, а, а-а-а, я встаю! Встаю же! Тоя!

— А?

Тоя, приподнявшийся, опираясь руками на живот Тору, удивлённо округлил глаза и уставился на него.

— В общем, мне надо переодеться. Выслушаю тебя за завтраком.

— Понял. ...Ты ведь у меня поешь?

— Ага.

— Тогда я пойду готовить!

Широко улыбнувшийся Тоя слез с Тору и тем же путём — из окна в окно — перебрался обратно.

— Закрой как следует замок.

— Да-а! Знаю!

Смеясь и помахав рукой, он закрыл окно, запер замок и задёрнул штору.

Выйдя из комнаты, он зашагал по пустому двухэтажному дому.

Деревянный пол был холодным и студил ступни Тои в одних лишь чёрных носках.

Спустившись по лестнице на первый этаж, он первым делом пошёл в ванную — умылся, почистил зубы и вымыл руки.

Зайдя на кухню и увидев то, что стояло на столе, он горько усмехнулся.

Там так и оставались приготовленная вчера скумбрия, тушённая в мисо, и приправленный шпинат.

И чёрная рисовая чашка, и выдававшая виды чайная кружка цвета маття стояли перевёрнутыми вверх дном.

— Отец, видимо, опять ночевал на работе.

С грустью думая о том, что давно его не видел, Тоя убрал всю еду в холодильник.

Вечером он просто съест это сам.

Вместо этого он стал быстро доставать продукты: два яйца, кочан брокколи, морковь.

Небольшое блюдо с маринованной китайской капустой он выставил заранее и расставил по местам на столе.

Он выдвинул один стул из обеденного набора, повесил на него блейзер и закатал рукава рубашки.

— Ну что ж, приготовлю, пока Тору не пришёл!

Он разбил яйца в миску, немного отлил в отдельную тарелочку, а затем добавил бульонный концентрат на основе белого соевого соуса.

Достал из шкафа мини-духовку, включил её в розетку и повернул переключатель.

После чего открыл крышку рисоварки, зачерпнул ладонью рис, который запрограммировал сварить по таймеру, и слепил из него онигири.

Сверху он щедро выложил заранее приготовленный мясной соус мисо, затем поместил всё на решётку духовки и закрыл крышку.

На квадратную сковороду для омлета вылил взбитое яйцо, а из холодильника достал оставленное с прошлого раза рагу из пяти видов фасоли.

Пока руки ловко делали своё дело, изо рта сама собой полилась песня.

Эту песню одноклассники часто включали на переменах, и он невольно запомнил её.

Свернув сладкий яичный рулет, он переложил его на разделочную доску.

В большую кастрюлю налил воду и отправил туда шпинат.

Нарезал омлет на шесть частей и выложил на тарелку; промыл брокколи, морковь и картофель.

Брокколи, отделив стебли, разобрал на соцветия, а стебли нашинковал соломкой, бросил на сковороду и капнул кунжутного масла.

Морковь и картофель тоже порезал соломкой и, когда брокколи почти дошла, сбрызнул соевым соусом и обжарил.

Выложил всё рядом с омлетом, сковороду отправил в раковину и тут же, на другой, побольше, начал обжаривать морковь с арахисовой пастой.

Открыл холодильник и вытащил абураагэ — жареный тофу.

— Та-ак, пожалуй, хватит?

Заглянул в кастрюлю со шпинатом, убедился, что готово, снял с огня, слил воду и равномерно нарезал.

Разок встряхнул сковороду, подошёл к холодильнику, вытащил маленькую кастрюльку и поставил на огонь.

Подхватил сковороду, переложил её содержимое на тарелку и засыпал туда картофель.

— Ах, мясной фарш!..

Заметив, что забыл выложить ингредиент, Тоя вскрикнул и поспешил к холодильнику.

Вытащил фарш и опрокинул его на сковороду.

Вернулся к разделочной доске, раскрыл тофу абураагэ и начинил его приготовленной ранее кимпирой из брокколи.

Кулинарными палочками разделил картофель с фаршем, посыпал солью и перцем, сбрызнул устричным соусом и продолжил обжаривать.

Тут из прихожей донёсся лязг открываемого замка.

Тоя, заливший на сковороду разведённый водой картофельный крахмал, достал из серванта миску и чашку для риса, затем приподнял крышку кастрюли.

Налил в миску мисо-суп с картофелем, луком и японской петрушкой, щедро наложил рис в чашку и отнёс всё на обеденный стол.

— Извини, ещё не готово! Сейчас принесу остальное!

— бросил он, вернулся на кухню, схватил тарелку с омлетом и кимпирой и выставил на стол.

Присел и из нижнего ящика серванта достал две коробки для бэнто; в каждую положил по две порции омлета.

— Ещё чуть-чуть подо...

Тору накрыл своей ладонью руку Тои, лежавшую на столе.

— Ещё нет даже семи, так что не спеши. Не хочу, чтобы ты поранился из-за спешки.

Тоя округлил глаза и расцвёл мягкой улыбкой.

— Спасибо! Но если затяну, подгорит!

Вспомнив об оставленной сковороде с крахмалом, Тоя, не выпуская из рук коробок для бэнто, бросился обратно.

Подхватил сковороду и равномерно разложил содержимое по коробкам.

Ополоснул опустевшую сковороду, затем уложил на неё несколько ломтиков свиной грудинки и поставил на огонь.

Отнёс на стол свою порцию мисо-супа и риса — и тут же вернулся на кухню.

Натёр на свинину имбирь, сбрызнул соевым соусом и перевернул мясо.

Пока обе стороны подрумянивались, он упаковывал в коробки уже готовые блюда.

— А это что за песня?

— А-а? Ну, её вечно кто-то на переменах включает, так ведь? Вот и засела в голове.

— Да разве это та песня?..

Когда он довольно мурлыкал что-то себе под нос, слегка нахмурившийся Тору подал голос.

Похоже, из-за того, что пение Тои местами заметно фальшивило — ноты гуляли, — Тору никак не мог соотнести это с оригиналом и недоумённо склонил голову набок.

— Помню только, что это была группа из пяти идиолов.

— Ага! Кажется, называлась «Сателайт».

Уложил свинину, тушённую с имбирём, и полностью выключил газ.

Сковороду поставил в раковину и торопливо упаковал оставшиеся блюда в коробки для бэнто, после чего принёс их.

— Она мне страшно нравится. Даже если умру, даже если расстанемся, буду любить тебя вечно и никогда не забуду — ну, думаю, это слегка нереалистично.

Плотно утрамбовал соленья в уголок коробки и закрыл крышкой.

Скрепил резинкой, положил в полиэтиленовый пакет, обернул платком, а затем убрал в мешочек для бэнто.

— Бэнто готово!

— Прости, что вечно затрудняю тебя. Спасибо.

Когда Тору, уже приступивший к завтраку, тепло улыбнулся, Тоя энергично замотал головой:

— Да нет же! Я ведь делаю это, потому что сам так хочу!

<http://bllate.org/book/18050/1730819>